

О.Л. Лейбович

Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
Пермский государственный институт культуры
ул. Газеты «Звезда», 18, Пермь, 614000
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

«НАДО ОТБИТЬ ЛИСЬИ ПОВАДКИ У НЕЕ...»: БЕСТИАРИЙ В ПАРТИЙНОМ ДИСКУРСЕ 1940–1950-х гг.

Рассматриваются проблемы, связанные с изменением партийного языка в эпоху позднего сталинизма. Поставлен вопрос о культурном наполнении фольклорных образов в протоколах партийных собраний, в письмах во власть, в докладах руководящих работников. Высказана гипотеза об архаизации политической культуры номенклатурной корпорации. Выявлено влияние литературных жанров (басни и сказки для детей) на обновление партийного языка. Предъявлены их социокультурные функции: погружение читателей в мифологический советский мир; стирание граней между воображаемой и повседневной реальностью.

Ключевые слова: Урал, 1945–1953 гг., номенклатурная культура, партийный язык, фольклорные образы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-170-175

В декабре 1945 г. маленький железнодорожный начальник пожаловался секретарю Молотовского обкома на своего командира, тот-де под влиянием ветреной и вздорной особы его преследует: «Он готов за эту женщину Я-ву остановить всю дорогу, не только паровозное депо Пермь». А пока прибирает к рукам секретаря райкома: «Методами лисицы Я-ва бросается от одной версии к другой, а секретарь райкома тов. Ложкин все эти небылицы принимает за действительность, пытается дать им политическую окраску. Как молодой коммунист желает проявить себя на приобретении политического багажа, утолить свою прошлогоднюю жажду к моему партийному билету, но не видеть ему моего политически чистого, морально незапятнанного партийного билета, крепко пришит он в моем кармане».

Для того чтобы прояснить позицию своих гонителей, автор письма обращается к литературным аллюзиям. «Это для них — Л-ко и Я-ой писатель Михалков написал басню “Лисица и бобер”» [Мосяков, 1945, л. 11–12].

«Лисица и бобер» — это басня И.А. Крылова. Сергей Михалков дал своему творению иной заголовок: «Лиса и бобер». Перепутать лисицу с лисой несложно. Заметим, что железнодорожник ничуть не сомневается, что его адресат басню С. Михалкова читал, более того, хорошо помнит ее содержание: «Лиса заметила Бобра: И в шубе у него довольно серебра, И он один из тех Бобров, Что из семейства мастеров, Ну, словом, с некоторых пор Лисе понравился Бобер! Лиса ночей не спит: “Уж я ли не хитра? Уж я ли не ловка к тому же? Чем я своих подружек хуже? Мне тоже при себе пора Иметь Бобра!”» Хитрая лиса увела из семьи седого бобра, опустошила его карманы, извела капризами так, что он запросился домой к прежней жене, но не тут-то было: «Вот прибежал Бобер домой: “Бобреха, двери мне открой!” А та в ответ: “Не отопру! Иди к своей Лисе в нору!” Что делать? Он к Лисе во двор! Пришел. А там — другой Бобер! Смысл басни сей полезен и здоров: Не так для рыжих Лис, как для седых Бобров!» [Михалков, 1944].

Расчет, по всей вероятности, был основан на том, что басня про седого бобра была опубликована в газете «Правда» [Михалков, 1959].

В начале 1950-х гг. басня становится высоким жанром в советской литературе. Для детей, в свою очередь, сочиняют и публикуют сказки в стихах и прозе. В местном отделении Союза писателей обстоятельно обсуждают рукопись детской книжки, автору Льву Давыдычеву дают советы: олененок прорисован неудачно, вообще в сказке «нет духа сегодняшнего дня». И отрицательных персонажей было бы недурно заменить, например: «превратить волшебника в американского дядюшку» [Обсуждение..., 1951, л. 5].

Были забыты нападки Н.К. Крупской на «чуковщину» за то, что «вместо рассказа о жизни крокодила они (дети. — О. Л.) услышат о нем невероятную галиматью» [Крупская, 1928]. Каза-

лось, раз и навсегда ушли в прошлое сомнения «о допустимости антропоморфизма как художественного приема в детской литературе», поскольку «он может быть определенно вреден тогда, когда авторы с его помощью наделяют зверей или неодушевленные предметы способностью готовить обед, стирать, ссориться, совершать тысячу дел, присущих тесному семейному укладу» [Воспитатели..., 1929].

По страницам газет и журналов вольно разгуливают медведи, львы, гуси и иные представители фауны.

Басни поздней сталинской эпохи предназначались отнюдь не столько для детей, сколько для взрослых. В советской литературе был собран отряд писателей, призванных работать в отреставрированном поэтическом жанре. Предводительство над советскими баснописцами было отдано С.В. Михалкову — автору государственного гимна СССР. Его сатиры, по замечанию литературного критика, «тяжеловесные, мертворожденные были симптомом позднего сталинского классицизма» [Трофименков, 2003, с. 22]. Современники, напротив, находили их остроумными, дерзкими и нравоучительными. На заседании партийного бюро в областном управлении МВД по басням С.В. Михалкова оценивали мастерство докладчиков. Лекторы-де нам читали что-то скучное и невразумительное. Только время зря тратили. Доходчивей было бы фельетон в стихах вслух прочитать: «Рассказать басни С. Михалкова у нас вполне могут и смогут рассказать так правильно, со здоровым юмором по пути воспитательной работы, а не сплошного веселья» [Протокол № 9, 1956, л. 6].

Партийные ораторы обращались и к классике: «До отчета я слышал такие разговоры, что в партбюро подбирают т. Ч-ва и т. Ш-ва, причем один другого хвалят. В связи с этим я хочу напомнить басню Крылова «Кукушка и петух»: Друзья! Хоть вы охрипните, хваля друг друга, / Все ваша музыка плоха. / За что же, не боясь греха, / Кукушка хвалит петуха? / За то, что хвалит он кукушку» [Протокол № 1, 1956, л. 10].

Советские баснописцы черпали образы из самых разных источников — из корпуса текстов И.А. Крылова, из русского фольклора, из речей вождей и из иных источников. Все тот же С.В. Михалков представлял космополитов в образе крыс и мышей: «Мы знаем, есть еще семейки, / где наше хают и бранят, / где с умилением глядят / на заграничные наклейки... / А сало русское едят!» [1955, с. 4]. «Семейка», как и «космополиты», на рубеже 1940–1950-х гг. — легко прочитываемая газетная метафора. «Этноним “евреи” не употреблялся. В официальных документах его заменяли иными обозначениями: “семейка”, “компания”, “космополиты”» [Кимерлинг, 2011, с. 70]. В нацистской пропаганде евреев отождествляли с крысами — разносчиками эпидемий [Benz, 2010; Juden, 1973, S. 354]. Искушенному читателю или слушателю было совсем несложно разгадать это нагромождение метафор.

Впрочем, публика предпочитала знакомые фольклорные персонажи: добродушного, не очень далекого медведя, юркого и ловкого зайца, но больше всего лису — существо верткое, коварное, хищное, но внешне вполне привлекательное. Лиса выступала в роли коварной обольстительницы, лукавой и притворной. Было бы, однако, упрощением считать лисьи повадки только женскими. Поступать по-лисий вполне мог и мужчина.

Так, автор письма в областную газету «Звезда» разоблачал своего товарища по работе — учителя немецкого языка в сельской школе: «Ведь он не просто пленный, а служил в плену, переводчиком был. И это все в Карагае знают, нашего же брата пытал. Но, видите ли, у В-ко лисы — жена лисонька» [Письмо, 1953, л. 6].

Лиса — здесь метафора человека хитрого, лицемерного, вкрадчивого (в письме В-ко называют «паинькой»), с точки зрения политической не заслуживающего никакого доверия. Лиса в образе человека — это оборотень, на партийном языке 1930-х гг. двурушник, противостоящий прямым, открытым, честным и простым людям. Аттестация человека лисой в партийной среде воспринималась как серьезное обвинение или личное оскорбление — все равно что назвать собеседника свиньей или скотиной. Впрочем, и такие обращения в административных учреждениях не были редкостью. Начальник областного управления милиции пристыдил свою подчиненную: «Смотрите, какой у Вас разговор — свиньи, скотина, не буду лизать, ведь Вы же женщина» [Протокол № 6, 1955, л. 30].

Сотрудник районного отдела МВД жаловался по начальству: «тов. Типикин (И.К. Типикин — секретарь Горнозаводского райкома КПСС. — О. Л.) разразился потоком оскорблений в адрес меня и Побережер — это мы ерши, к ним не подступись» [Старков, 1953, л. 181]. Ерш — рыба колючая, из нее пирог не испечешь. «На ершах и щуки давятся» [Мокиенко, 2010, с. 329]. Быть

ершом для милицейского сотрудника было отнюдь не зазорно, если бы не два обстоятельства. Слова «к ним не подступись» явно указывают на неспособность людей в погонах правильно воспринимать партийную критику. В 1953 г. это было серьезным обвинением, хотя, естественно, не оскорбительным. Сотрудники уголовного розыска знали уголовный жаргон. В нем словом «ерш» клеймили самозванцев, объявлявших себя без всякого права «ворами в законе», т.е. людей никчемных, наглых, заслуживающих презрения и наказания [Словарь...]. Вполне возможно, что этого значения слова «ерш» секретарь райкома не знал, в отличие от оскорбленных слушателей. Метафора, стало быть, ими была прочитана неправильно. На первый взгляд, полисемантичность образов была препятствием для политической коммуникации, шагом назад от прежних партийных формулировок, бывших в ходу десятилетие назад, вроде троцкиста, двурушника, примиренца, либерала или врага народа. Заметим, однако, что и в прежние годы политические ярлыки наклеивались на людей вполне произвольно. Так, «троцкистом» мог быть назван партией когда-то примыкавший к оппозиции товарищ по работе или сосед этого партийца, взятый по оговору начальник, далекий от каких-либо симпатий к троцкизму, закаленный боец против всех и всяческих уклонов от партийной линии и даже колхозный пастух. В одном из доносов 1937 г. упоминалась «троцкистская выходка» в одной из деревень Большеусольского сельсовета: «Ф. (так в тексте!) Петрович работает в колхозе конюхом, изморил лошадей, колхозное сено скормил свои коровам, теперь лошади не ходят, что будешь такого предупреждать, он только тем и кроет: пропадай все» [Перминов, 1937, л. 6].

Можно согласиться с мнением исследователя марксистской традиции, что в 30-е годы троцкизм стал «абстрактной эмблемой сатанизма» [Kolakowski, 1978, p. 186].

Поставим вопрос, по каким причинам фольклорный по своему происхождению бестиарий в партийной речи 1940–1950-х гг. замещал ранее освоенные социально-политические категории: тех же троцкистов, правых, двурушников, примиренцев, вредителей, расхитителей, бюрократов и пр. Было ли это случайным явлением, порожденным вкусовыми предпочтениями вождя (см.: [Brooks, 2000])? Или речь идет о более широком явлении — культурном сдвиге внутри партийно-государственной номенклатурной корпорации? И если верно второе предположение, то какова его природа?

Возврат к фольклорным образам, за которыми традиция закрепила негативные аскриптивные статусы, можно объяснить далеко идущей архаизацией политического языка, собственно, и всей политической культуры в целом (см.: [Вайскопф, 2001]). Ее корни можно обнаружить в социальных потрясениях эпохи войн и революций, когда на общественную арену были вытолкнуты массы людей, едва затронутых даже традиционной культурой, — персонажей платоновского «Котлована». Антирелигиозная политика 1920–1930-х гг., разрушавшая христианские ценности, отнюдь не обязательно создавала предпосылки для новой эпохи Просвещения. Зачастую она толкала людей в мир первобытных верований, магических практик, мифологических образов. Даже Владимиру Маяковскому, по мнению исследователя советской литературы, «следовало бы воззвать к далеким предкам — там он был бы среди своих» [Вайскопф, 2003, с. 486]. Советская номенклатура по своему происхождению, первичной социализации, образу жизни в значительной степени принадлежала к социальным низам, едва затронутым рационалистической идеологией. Язык сказок, пословиц и поговорок был для нее более органичен и доступен, нежели политические формулировки, тем более что ситуации, их породившие, ушли в далекое прошлое, выпали из актуальной политической памяти (см.: [Иванова, 2002]). Даже в 1937 г. партторг больницы на собеседовании в военкомате «выявил полную политическую неграмотность: Ничего не знает о VI съезде партии. Ничего не знает о значении Пражской конференции, о том, когда она проходила, кем и с какой задачей созывалась» [Холевинский, 1937, л. 16]. Спустя 10 лет ответственные работники еще в большей степени демонстрировали незнание канонических формулировок из «Краткого курса истории ВКП(б)» [1956, 2007, с. 28]. Язык фольклорный или хотя бы псевдофольклорный (басенный) был им более понятен. И партийные вожди широко им пользовались. Так, глава правительства Г.М. Маленков, полемизируя с американским сенатором, цитировал поговорку под смех и аплодисменты депутатов Верховного Совета СССР: «Мы ответим господину Уайли и всякому, кто проповедует политику силы в отношении Советского Союза, ответим, не вдаваясь в подробности: “Шалишь, кума, не с той ноги плясать пошла»» [1953, с. 36]. В партийных организациях затем с явным удовольствием цитировали эту фразу, иногда в искаженном виде, иногда точно, но уже по иному поводу: «Есть такие слова Маленкова — “Стой, кума, не с той ноги плясать пошла»» [Протокол № 6, 1955, л. 35]. «Кума» — образ емкий, по-

звояющий выразить ироническое отношение к нарушителю партийной дисциплины или корпоративных конвенций, в то же время не несущий какой-либо политической нагрузки. Так высказывались скоморохи, старавшиеся внести «неясности, намеренное затушевывание социального положения» в свои припевки. «Неопределенность положения создает безопасную возможность высказать упрек и жалобу. Наглядно проявилась эта установка — намеренно скрыть подлинное лицо жалобщика — в шуточных челобитных» [Власова, 1993, с. 260]. Можно предположить, что партийцы послевоенного призыва в своей речи сознательно избегали ясных и недвусмысленных политических формулировок, напомиравших им о смутном и опасном времени большого террора, отнюдь ими не забытого.

Басни и сказки, бывшие заметным явлением в литературном процессе 1940–1950-х гг., выполняли двойственную функцию. Прежде всего, они погружали читателей в большой мифологический мир, в котором были стерты грани между двумя видами реальности — воображаемой и повседневной. Первая была продуктом агитационно-пропагандистских усилий, а вторая — порождением личного или коллективного опыта. В воображаемом мире жили в тепле и уюте счастливые люди, преобразующие природу и уверенной поступью идущие к коммунизму. В мире повседневности они же в поте лица своего добывали насущный хлеб, маялись в бараках, тесных коммуналках, дрались, бранились, ловчили. Сказочные повествования в стихах и прозе были призваны стереть грань между двумя этими реальностями, укрепить первенство воображаемого мира в коллективном сознании читателей и слушателей. Вернемся к обсуждению рукописи Льва Давыдычева. Один из участников увидел в ней недостаток: «Отсутствие собственного сказочного мира, реальная жизнь совсем не отграничена от сказочной» [Обсуждение..., 1951, л. 2]. На самом деле, это было основное достоинство рассматриваемых повествований.

Вторая функция басен для взрослых заключалась в том, что позволяла автору и читателю в образе хитрой лисицы, надменного и глупого гуся обнаружить социальные типажи. В послевоенной литературе, представлявшей современную действительность, героями были люди без страха и упрека: целеустремленные, отважные, идейные, до конца преданные советской власти. «Главным героем нашей литературы был и будет гармоничный человек, мысль, чувство, воля которого отдана созданию нового общества,— разъяснял местным писателям редактор Молотовского книжного издательства. — Он типичен для нашего времени» [Назаровский, 1951, л. 204]. В книгах о войне можно показывать отрицательных персонажей — предателей, полицаяев, фашистских пособников. Но они не были советскими людьми, только притворялись ими. В послевоенной действительности бичевать пороки можно было только в фельетонах, где речь шла об «отдельных недостатках» и дурных поступках «некоторых лиц», либо внутри литературного бестиария. Птица из басни «Гусь на службе» А.Л. Матросова, опубликованная в областной газете «Звезда», вызвала восторженный отклик у читателя:

«Я просто в восторге от нее! Легко читается, содержательная, рифма отточена... а как тонко подмечены людские пороки, и особенно хозяйственников и коммерсантов. Они вот этого и заслуживают, чтобы едкой сатирой бичевать их недостатки, садить на перо поэта. В лице “Гуся” виден элемент чванства, бюрократизма, нерасторопливости, зазнайства. И все ему с рук сходит. Хищения и растраты у торгработников — обыкновение. Мало их и мягко судят. А сколько еще таких “гусей” сидят на шее государства в торгах, снабх и т.п. А живут они припеваючи» [Арапов, 1953, л. 4–4 об.].

Обратим внимание на то, что басенный гусь кажется читателю собирательным образом современного ему хозяйственника — работника некомпетентного, человека вороватого, начальника чванного. Под гусиными перьями прячется социальный тип с вполне определенной пропиской — советский коммерсант, на бытовом языке — торгаш. Басня была тем жанром, который позволял не только разоблачать «отдельные нетипичные» проявления жадности, скупости, низкопоклонства перед Западом или чванства, но и сохранять в литературе обобщенные социальные по своей природе образы. Пишем «лев» — читаем «крупный руководитель», который «обожал подхалимаж» [Михалков, 1945]. В этом смысле басни были полезным жанром, поскольку соответствовали основополагающему партийному принципу критики и самокритики и давали возможность выразить негативные чувства по адресу тех или иных групп населения, отнюдь не покушаясь на основы социального порядка и на статусные позиции номенклатурных работников.

Басни укрепляли мифологическую картину мира, помещая бестиарий в его темную половину, где обитали чудовища — полулюди, полужвери: «носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — живые люди, скрытые враги нашего народа» [Бдительность..., 1953, с. 20–21].

Авторы жалоб, в свою очередь, обращаясь к фольклорным (басенным) образам, старались не только установить языковую коммуникацию с представителями власти, но и представить своих обидчиков в самом непривлекательном виде, сжав их характеристику до символической плотности.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00221).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Литература

- 1956: Незамеченный термидор: Очерки провинциального быта. Пермь: Изд-во ПГТУ, 2007. 236 с.
- Вайскопф М.* Писатель Сталин. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 384 с.
- Вайскопф М.* Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 гг. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 576 с.
- Власова З.И.* Ерш Ершович: Возможные истоки образа и мотивов // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 47. С. 250–268.
- Иванова Т.Г.* О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. М.: Ладомир, 2002. С. 403–431.
- Кимерлинг А.С.* Террор на излете: «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь: Перм. гос. ин-т искусства и культуры, 2011. 163 с.
- Мокиенко В.М.* Большой словарь русских пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
- Трофименков М.* Человек, который никогда не ошибался: 90 лет Сергею Михалкову // Коммерсантъ. № 42. 13.03.2003. С. 22.
- Benz W.* «Der ewige Jude»: Metaphern und Methoden nationalsozialistischer Propaganda. Berlin: Metropol Verlag, 2010. 176 S. (Dokumente — Texte — Materialien; Bd. 75).
- Brooks J.* Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton; New Jersey: Princeton Univ. Press, 2000. 344 p.
- Juden* unterm Hakenkreuz. Verfolgung und Ausrottung der deutschen Juden 1933–1945. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1973. 437 S.
- Kolakowski L.* Main currents of Marxism. The Breakdown. Oxford: Macmillan press, 1978. 548 p.

Источники

- Арапов В.Т.* — Матросову А.Л. 15.11.1953 // Гос. архив Пермского края (ГАПК). Ф. р — 1776. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–4 об.
- Бдительность* — наше оружие. М.: Госполитиздат, 1953. 80 с.
- Воспитатели* мещанства // Литературная газета. 1929. 19 авг.
- Крупская Н.К.* О «Крокодиле» Чуковского // Правда. 1928. 1 февр.
- Маленков Г.М.* Речь на Пятой Сессии Верховного Совета СССР 8 августа 1953 г. М.: Гос. Изд-во пол. лит., 1953. 47 с.
- Михалков С.* Лиса и бобер. 1944. URL: <https://ihappymama.ru/iq/basni/lisa-i-bober-basnya-mihalkova/>.
- Михалков С.* Заяц во хмелю. 1945. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=63626&p=1>.
- Михалков С.В.* Две подруги // С. Михалков. Басни. М.: Искусство, 1955. 27 с.
- Михалков С.* Автобиография Михалкова. 1959. URL: chtoby-pomnili.net/page.php?id=720.
- Мосяков* — Гусарову. 11.12.1945 // Перм. гос. соц.-полит. архив (ПермГАСПИ). Ф. 105. Оп. 12. Д. 146. Л. 9–12.
- Назаровский Б.* К итогам литературного года. 28.12.1951 // ГАПК. Ф. р — 1188. Оп. 1. Д. 2. Л. 193–242.
- Обсуждение* сказок Льва Давыдычева. Протокол заседания писательской секции 28.09.1951 // ГАПК. Ф. р — 1188. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–7.
- Перминов* — в НКВД. 25.02.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 301. Л. 180.
- Письмо* в газету «Звезда». 16.04.1953 // ПермГАСПИ. Ф. 81. Оп. 15. Д. 25. Л. 6.
- Протокол № 6* заседания партийного бюро парторганизации областного Управления милиции. 16.02.1955 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 50. Л. 26–42.
- Протокол № 1* отчетно-перевыборного партийного собрания партийной организации Обл. Упр. Милиции. 12.01.1956 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–21.
- Протокол № 9* заседания бюро парторганизации УМВД по Молотовской области. 30.01.1956 // ПермГАСПИ. Ф. 1624. Оп. 1. Д. 20. Л. 19–36.
- Словарь* «воровского жаргона». URL: <http://www.biometrica.tomsk.ru/ftp/dict/slang/jargon.htm> (дата обращения 21.05.2019).
- Старков* — Ушакину: Рапорт. 07.08.1953. Гремячинск // ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 20. Д. 158. Л. 180–181.
- Холевинский* — Голышеву. 05.03.1937 // ПермГАСПИ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

O.L. Leibovich

Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskoi st., 16, Ekaterinburg, 620990, Russian Federation
Perm State Institute of Culture
Gazety «Zvezda» st., 18, Perm, 614000, Russian Federation
E-mail: oleg.leibov@gmail.com

BESTIARY IN THE PARTY DISCOURSE OF 1940–1950

The present article covers issues associated with changes in the party language in the late Stalinist era and aims to determine the meaning expressed by the changed linguistic forms in the official communication of CPSU(B.) members in 1946–1953 within the current Perm Territory. In this work, the method of thick description was employed (C. Geertz). The author studied two types of materials found in the archives of regional party organisations: 1. documents prepared by the party authorities (official speeches, fables and feuilletons); 2. requests and complaints addressed to the authorities. The novelty of the study consists in introducing archival materials previously unknown to researchers; revealing the cultural aspect of reviving the fable in the Soviet press; identifying sociocultural functions of fable characters; defining the status of folklore imagery in the political communication of the Perm Territory residents. A historical and anthropological analysis of materials revealed that since the mid-1940s the party language incorporated the folk language full of animal and bird imagery. Apart from editorials and resolutions, the newspaper publications of political nature also included fables. The fable became an important literary genre, constituting an artificial analogue of rural folklore, adapted to the pressing tasks that the party faced: the formation of a mythological worldview among the general Soviet public, as well as the fight against the bourgeois remnants in the consciousness and behaviour of the Soviet people. In line with the literary tradition, the officially approved animals (bears, hares, foxes, etc.) personified vices that had to be eradicated: bureaucracy, conceit, cosmopolitanism, or lack of patriotism, utilitarian approach, egoism, heavy drinking, etc. The introduction of folklore images suggests growing archaisation of the Soviet culture associated with the new party recruits — individuals from collective farm villages and first-generation industrial workers. The archaisation of the language used by the authorities constituted a side effect of the government's policy of cultural isolation. The studied materials indicate that the ample use of clear folklore imagery in the party language simplified communication between the upper and lower classes of the party in the late Stalinist era. The language of the authorities became more accessible to its recipients. In turn, citizens could use common forms of verbal behaviour when dealing with government institutions. At the same time, the partial replacement of the Bolshevik language, canonised in the Short Course of the History of the CPSU (B.), with fabulous imagery subsequently led to the depoliticisation of the Soviet culture.

Key words: Ural, 1945–1953, nomenclature culture, party language, folklore images.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-170-175

Funding. This work was supported by a grant from the the Russian Science Foundation No. 19-18-00221.

REFERENCES

- Benz W. (2010). «*The Evil Jew*»: *Metaphors and Methods of National Socialist Propaganda*. Berlin: Metropol Verlag. (Dokumente — Texte — Materialien, Band 75).
- Brooks J. (2000). *Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 344 p.
- Drobisch K. (Ed.) (1973). *Juden unterm Hakenkreuz. Verfolgung und Ausrottung der deutschen Juden 1933–1945*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften.
- Ivanova T.G. (2002). On folklore and pseudofolklore nature of the Soviet epos. In: *Rukopisi, kotorykh ne bylo: Podelki v oblasti slavianskogo fol'klora* (pp. 403–431). Moscow: Ladimir. (Rus.).
- Kimerling A.S. (2011). *Terror's on the decline. «Doctors' case» in the Urals province*. Perm': Permskii gosudarstvennyi institut iskusstva i kul'tury. (Rus.).
- Kolakowski L. (1978). *Main currents of Marxism. The Breakdown*. Oxford: Macmillan press.
- Leibovich O. (Ed.) (2007). *1956: Unseen thermidor: Essays of provincial life*. Perm': Izd-vo PGU. (Rus.).
- Mokienko V.M. (2010). *Big dictionary of Russian proverbs*. Moscow: OLMA Media Grupp. (Rus.).
- Trofimenkov M. (2003). A man who's never been mistaken: 90 years old Sergei Mikhalkov. *Kommersant*, (42). (Rus.).
- Vlasova S.I. (1993). Yersh Yershovich: Possible origins of the image and motifs. In: *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (pp. 250–268). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (Rus.).
- Weisskopf M. (2001). *The writer Stalin*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).
- Weisskopf M. (2003). *Bird troika and chariot of the soul: Works 1978–2003*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 20.05.2019

Accepted: 10.06.2019

Article is published: 26.09.2019